

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

CIVIL LAW

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 347.12, 347.13, 347.552

Дата поступления: 11.10.2022
рецензирования: 15.11.2022
принятия: 25.11.2022

Юрий С. Поваров

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация

МЕХАНИЗМ ОДОБРЕНИЯ ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ СДЕЛКИ, СОВЕРШЕННОЙ НЕУПОЛНОМОЧЕННЫМ ЛИЦОМ

Аннотация: в работе раскрывается юридико-фактическое назначение конструкции последующего одобрения мнимым представляемым сделки, совершенной неуполномоченным лицом (при этом указывается на отсутствие оснований для бесспорной квалификации одобрения как обстоятельства, опосредующего перемену лиц в обязательстве), анализируются темпоральный и субъектный аспекты механизма такого одобрения (с точки зрения тавтологичности термина «последующее одобрение», рациональности исключения усмотрения в определении фигуры адресата волеизъявления при «реактивном» одобрении и т.д.), разбирается сложный вопрос о многообразии способов изъявления одобрительной воли (при этом подчеркивается неорганичность оценки молчаливого поведения как надлежащей вариации). Методологическую основу исследования составили общетеоретические (формальной и диалектической логики) и частнонаучные (юридико-догматический, толкования правовых норм, сравнительно-правовой и др.) методы. В итоге автором обосновывается целесообразность корректировки законоположений в направлении сопряжения общих предписаний о согласии на совершение сделки и правил о последующем одобрении сделки, совершенной неуполномоченным лицом (при описании темпоральной «атрибутики»), а также с целью устранения неопределенности по актуальным моментам изъявления одобрительного волеизъявления (круг адресатов, допустимые способы выражения воли и пр.).

Ключевые слова: представительство без полномочия; последующее одобрение сделки; предварительное и последующее согласие на совершение сделки; перемена лиц в обязательстве; способ изъявления воли; словесная форма сделки; конклюдентные действия; молчание; разумный срок.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Цитирование: Поваров, Юрий С. 2022. «Механизм одобрения представляемым сделки, совершенной неуполномоченным лицом». *Юридический аналитический журнал* 17 (3): 24–33. <http://doi.org/10.18287/1810-4088-2022-17-3-24-33>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

© Юрий С. Поваров, 2022

Юрий С. Поваров, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

e-mail: povus@mail.ru

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 11.10.2022
Revised: 15.11.2022
Accepted: 25.11.2022

Iurii S. Povarov

Samara National Research University, Samara, Russian Federation

MECHANISM FOR THE APPROVAL OF A TRANSACTION MADE BY AN UNAUTHORIZED PERSON

Abstract: the article reveals the legal and factual purpose of the construction of subsequent approval by an imaginary representant of a transaction made by an unauthorized person (at the same time, it is indicated that there are no grounds for the indisputable qualification of approval as a circumstance that mediates the change of persons in an obligation), the temporal and subjective aspects of the mechanism of such approval are analyzed (from the point of view of the tautology of the term «subsequent approval», the rationality of the exclusion of discretion in the definition of the figure of the addressee of the expression of will in the case of “reactive” approval, etc.), the question of the variety of ways of expressing approval will is examined (at the same time, the inorganic nature of assessing tacit behavior as a proper variation is emphasized). The methodological basis of the study was made up of general theoretical (formal and dialectical logic) and particular scientific (legal-dogmatic, interpretation of legal norms, comparative legal, etc.) methods. As a result, the author substantiates the expediency of adjusting the legal provisions in the direction of conjugation of general instructions on consent to the transaction and the rules on the subsequent approval of a transaction made by an unauthorized person (when describing the temporal “attributes”), as well as in order to eliminate uncertainty about the current moments of expressing an approving will (circle of addressees, acceptable ways of expressing will, etc.).

Key words: representation without authority; subsequent approval of the transaction; prior and subsequent consent to the transaction; change of persons in obligation; way of expressing will; verbal form of the transaction; implicit actions; silence; reasonable time.

Conflict of interest: the author declares no conflict of interest.

Citation: Povarov, Iurii S. 2022. “Mechanism for the approval of a transaction made by an unauthorized person”. *Juridical Analytical Journal* 17 (3): 24–33. <http://doi.org/10.18287/1810-4088-2022-17-3-24-33>. (In Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

© Iurii S. Povarov, 2022

Iurii S. Povarov, Candidate of law, associate professor, associate professor of the Department of civil and business law, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

e-mail: povus@mail.ru

Введение

Раскрываемый в статье 183 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) правовой феномен заключения сделки неуполномоченным лицом нередко именуется в науке **представительством без полномочия** (а равно «лже-...», «псевдо-...», «мнимым», «видимым» и т.п. представительством). Невзирая на очевидную внутреннюю противоречивость термина «представительство без полномочия» (ибо представитель есть лицо, действующее именно в силу наличия у него полномочия) и «размытость» круга охватываемых им явлений (прежде всего в ракурсе приложимости к случаям, предусмотренным *только* статьей 183 ГК РФ либо также *и другими* законоположениями, например, статьей 174 ГК РФ)¹, означенное словоупотребление, памятуя о

его традиционности и с учетом совершения сделки лжепредставителем *от чужого имени* (причем с возможным возникновением прав и обязанностей у одобрявшего сделку псевдопредставляемого), кажется достаточно адекватным и догматически приемлемым.

Гражданско-правовой кодификационный акт в пункте 1 статьи 183 в качестве *базового* моделирует «сценарий», при котором **в ситуации совершения сделки неуполномоченным лицом она считается заключенной от имени и в интересах совершившего ее лица**. Тем самым подобное «упречное» поведение:

с одной стороны, никак *не затрагивает псевдопредставляемого* (здесь «отсутствие сделки ... оправданно, так как ... ограничения были отражены во *внешней* [здесь и далее курсив в цитатах наш. – Ю. П.] стороне представительства...») (Карпетов 2018, 91), в отличие от специальной ситуации, оговоренной в пункте 1 статьи 174 ГК РФ, порождая у него (как таковое) «... лишь секундарное право на ... одобрение, но ни в коем случае не ... прав и обязанностей, предусмотренных ... сделкой» (Ягельницкий 2010, 106);

¹ Подробный разбор мнений по данной проблематике осуществлен, в частности, Н.А. Саглаевой (Саглаева 2020, 49–64). О целесообразности разграничения понятий «неуполномоченное лицо» и «лицо, превысившее полномочия», например, рассуждает С.Г. Пишина: со слов автора, «...правовой статус указанных лиц и последствия их действий столь различны по характеру и значению, что при толковании и применении норм о недействительности сделок их следует *разграничить*» (Пيشина 2015, 20).

с другой стороны, юридически *связывает лжепредставителя с третьим лицом (контрагентом)*, причем вне зависимости от (не)добросовестности последнего (см. п. 4 информационного письма Президиума ВАС РФ от 23 октября 2000 г. № 57 «О некоторых вопросах практики применения статьи 183 Гражданского кодекса Российской Федерации»² (далее – Письмо № 57)). Заметим, что приведенное постулирование не является универсальным (общепринятым): скажем, «в итальянском праве сделка просто не имеет эффекта ни в отношении лжепредставляемого, ни в отношении лжепредставителя, а ... контрагент вправе требовать от лжепредставителя возмещения убытков...» (Тузов 2020).

Юридическая картина, однако, способна кардинально измениться благодаря **последующему одобрению сделки псевдопредставляемым**. В силу пункта 2 статьи 183 ГК РФ одобрение *создает, изменяет и прекращает для него гражданские права и обязанности по сделке с момента ее совершения* (попутно «обнуляя» возможность добросовестного контрагента отказаться от сделки), в свете чего, как верно заключает Е.Н. Гендзехадзе, по факту «закон допускает замену предварительного уполномочия последующим одобрением» (Гендзехадзе 2011, 217). Механизм описанной трансформации заслуживает пристального обсуждения в разных аспектах, в первую очередь в ракурсе юридико-фактического функционала и правовой природы.

1. Юридикто-фактическое значение одобрения сделки представляемым

Итак, в результате рассматриваемого подтверждения сделки непосредственным ее **участником** (с соответствующим набором субъективных прав и обязанностей) **становится** не мнимый представитель, а именно **представляемый**, причем изначально – **с момента совершения сделки**, т.е. дефектность представительских полномочий нейтрализуется *с обратной силой* (и в этом контексте, несмотря на изъявление согласия, все-таки не совсем корректно говорить о *совершении* одобренной сделки непосредственно представляемым).

«Одобрение сделки... уничтожает правовую связь мнимого представителя и контрагента и приводит к возникновению обязательства между псевдопредставляемым и третьим лицом» (Ягельницкий 2010, 119), что сильно

напоминает перемену лиц в обязательстве. «...Одобрение... – небезосновательно констатирует на сей счет Е.А. Папченкова, – ретроспективно отменяет, казалось бы, возникшую прямую правовую связь между лжепредставителем и контрагентом, и ... «переводит сделку» на имя псевдопредставляемого» (Папченкова 2018). Еще более определенны С.К. Соломин и Н.Г. Соломина, усматривающие в последующем одобрении способ «...извещения об акцепте ... в рамках достижения соглашения о перемене лиц в обязательствах, возникших из заключенной неуполномоченным лицом сделки (то есть речь идет о реализации механизма *передачи договора*, предусмотренного статьей 392.3 ГК РФ)» (Соломин и Соломина 2022). Признавая явное «тяготение» конструкции замены мнимого представителя «носителем имени» к институту перемены лиц в обязательстве, отмеченный **ретроспективный эффект**, как представляется, все же препятствует безусловной идентификации последующего одобрения как основания собственно перемены лица в обязательстве в смысле положений главы 24 ГК РФ (даже фикционно не «отрицающих» участие первоначального лица в обязательстве).

2. Темпоральный аспект механизма одобрения сделки представляемым

Исследуемый режим согласования приурочен к случаям, когда неуполномоченное лицо уже совершило сделку, вследствие чего речь идет *исключительно* о **последующем** подтверждении сделки (потенциально же возможное изъявление разрешения в предварительном порядке, несмотря на автономность институтов выдачи полномочия и согласия, уместнее интерпретировать в качестве признания или корректировки представляемым именно представительских полномочий).

В пункте 2 статьи 183 ГК РФ используется словосочетание «последующее одобрение». Между тем подобное словопотребление часто подвергается критике в науке за **тавтологичность** (в понятии «одобрение» уже заложено то, что признание сделки производится постфактум, т.е. после ее совершения). Например, Е.А. Крашенинников и Ю.В. Байгушева, подчеркивая, что «каждому профессионально подготовленному цивилисту известно, что ... согласие, данное после ... совершения, называется одобрением» (со ссылкой на маститых зарубежных ученых), указывают, что «...речь должна идти об “одобрении” без присоединения... прилагательного “последующее”...»

²Здесь и далее ссылки на акты органов судебной власти приводятся из справочной правовой системы «КонсультантПлюс». <http://www.consultant.ru>.

(Крашенинников и Байгушева 2011, 55–56). По мнению С.К. Соломина и Н.Г. Соломиной, «...одобрение третьего лица может состояться только в отношении юридического действия, которое уже совершено» (в противоположность этому «...согласие всегда предшествует совершению юридического действия») (Соломин и Соломина 2022).

Не трудно, однако, заметить, что теоретические послы для приведенных негативных оценок различны в срезе решения вопроса о соотношении терминов «согласие» и «одобрение»: в версии Е.А. Крашенинникова и Ю.В. Байгушевой они рассматриваются в системе координат «род» и «вид» (одобрение есть разновидность согласия), тогда как С.К. Соломин и Н.Г. Соломина усматривают в них близкие, но не пересекающиеся понятия (и «водоразделом» выступает временной критерий).

Вообще, обращение к словосочетанию «последующее одобрение» (косвенно предполагающего, кстати, возможность и иного – предварительного – одобрения, в логике чего термины «согласие» и «одобрение» могут быть истолкованы как синонимичные) типично для отечественного законодателя, причем в самые разные исторические эпохи (в частности, разработанный Высочайше учрежденной в 1882 г. Редакционной комиссией проект Гражданского уложения Российской империи в статье 1057 упоминал о «последующем одобрении» хозяином действий распорядителя, в статье 63 ГК РСФСР 1964 г. фиксировались последствия «последующего одобрения» представляемым сделки представителя).

В настоящее время из положений статьи 157.1 ГК РФ (разработка которых в основном опиралась на германский опыт нормирования – см. §§ 182–185 ГГУ о предварительном и последующем согласии) вытекает, что термины «согласие» и «одобрение» являются соподчиненными, при том, что понятие «одобрение» отождествляется с понятием последующего согласия. На это, среди прочего, индикативно указывает то, что слово «одобрение» употребляется лишь в сцепке со словосочетанием «последующее согласие» (абз. 2 пункта 3), но не, во-первых, со словосочетанием «предварительное согласие» (абз. 1 пункта 3) и, во-вторых, не со словом «согласие», когда речь идет о санкционировании безотносительно к времени его осуществления (пункты 2, 3).

Осознавая факт того, что разбираемым словам (как, впрочем, и многим иным словам русского языка) присущ весьма широкий паттерн

«семантического наполнения», и несмотря на дискуссионность вопроса о (не)обоснованности понимания предусмотренного статьей 183 ГК РФ одобрения сделки как специальной вариации дачи согласия, институт которого – в формате предписаний общего характера – закреплён в статьях 157.1, 173.1 ГК РФ (прежде всего с учетом шаблонного восприятия согласия третьего лица на совершение иными субъектами сделки в качестве вспомогательного юридического факта, который сам по себе не порождает «классического» правоотношения), уверены в целесообразности и полезности соблюдения терминологического *единообразия* по анализируемому аспекту (при этом наиболее простым и здравым, пожалуй, будет следование отраженной в статье 157.1 ГК РФ установке о квалификации *одобрения как последующего согласия*).

Законодатель не вводит какого-либо жесткого алгоритма взаимодействия субъектов для целей согласования совершенной неуполномоченным лицом сделки. Помимо прочего, он не возлагает ни на лжепредставителя, ни на контрагента *обязанности* испрашивать одобрения совершенной сделки, что в целом согласуется с тезисом о заключенности и действительности (по общему правилу) даже не получившего признания со стороны псевдопредставляемого акта. В контексте сказанного **одобрение**, с точки зрения активности псевдопредставляемого, **может быть и «инициативным», и «реактивным»** (при этом реализация *любой* из вариаций будет знаменовать наступление *одинаковых* правовых эффектов).

Тем не менее направление запроса может иметь особый смысл для контрагента в плане эффективной охраны собственных интересов. Дело в том, что регламентация вопроса об условиях одностороннего отказа от сделки является дифференцированной: по общему правилу правомерность такого упрощенного аннулирования правовой связи до одобрения сделки обуславливается *добросовестностью контрагента* (когда он не знает и не должен знать об отсутствии либо превышении полномочий) (см. абз. 2 пункта 1 статьи 183 ГК РФ); между тем данный фактор юридически иррелевантен (не считая аспекта возмещения убытков), в том числе в ситуации, когда ответ на предложение об одобрении (а оно может исходить и от добросовестного, и недобросовестного контрагента) не поступит в разумный срок, т. е. при «реактивном» молчаливом

неодобрении (аналогичное положение вещей имеет место и при заявлении псевдопредставляемым – но уже не только «реактивно», а и «инициативно» – отказа от одобрения) (см. пункт 3 статьи 183 ГК РФ).

Временные пределы для «*инициативного*» одобрения, а равно для направления запроса об одобрении в ГК РФ *не установлены* (хотя бы по причине того, что видимый представляемый может и вовсе не знать о совершенной сделке); в этом срезе часто встречающаяся трактовка закрепленного в абз. 2 пункта 1 статьи 183 ГК РФ права контрагента как возможности «...*немедленно* отказаться от сделки...» (Папченкова 2018) является не совсем точной.

Сообразно изложенному, гипотетически «...представляемый может одобрить... *когда угодно* с ретроспективным эффектом», «одобрение может произойти и через месяц, и через годы после совершения сделки» (Папченкова 2018), что, конечно, чревато злоупотреблениями (не случайно в литературе небеспочвенно высказываются и соображения о том, что «...одобрение [в том числе инициативное. – Ю. П.], сделанное по истечении *разумного срока*, не имеет правовых последствий, а дальнейшие отношения сторон по сделке будут подчинены правилам об акцепте и оферте» (Харитоновна 2013, 35)).

Однако применительно к «*реактивному*» одобрению темпоральные ограничения резонно *присутствуют*: контрагент наделяется правом потребовать исполнения сделки либо упоминавшимся правом в одностороннем внесудебном порядке отказаться от нее (с возмещением убытков) на случай, когда псевдопредставляемый отверг предложение одобрить сделку либо его ответ на предложение об одобрении не поступил в *разумный срок* (пункт 3 статьи 183 ГК РФ). Как видим, отечественный законодатель оперирует оценочным понятием *разумного срока*. Любопытно, что в некоторых зарубежных правовых порядках данный тематический сегмент регламентируется максимально конкретизированно (что, естественно, легче для правоприменителя) – посредством установления абсолютно определенных сроков: так, Германское гражданское уложение (далее – ГГУ) в § 177 исходит из того, что запрошенное согласие должно быть изъявлено до истечения *двух недель* со времени получения предложения (в противном случае считается, что в согласии отказано); в гражданском законодательстве КНР речь идет о *месячном* сроке (Ягельницкий 2010, 112).

3. Способы и форма изъяснения представляемым воли на одобрение сделки

Вопрос о способе и форме изъяснения воли на одобрение сделки в статье 183 явно не освещается, хотя упоминание в пункте 3 об отказе от одобрения или непоступлении ответа на предложение одобрить сделку, скорее, сигнализирует о востребованности словесной формы.

Общеупотребительным на текущий день в гражданско-правовой науке является выделение в череде главных способов выражения воли во вне словесной, или языковой,³ формы⁴ (которая может быть устной либо письменной), конклюдентных действий и молчания. Данная **систематика**, обнимающая случаи как прямого (словесная форма), так и косвенного (конклюдентные действия и молчание) изъяснения сделочной воли, причем в качестве *автономных* «единиц» (хотя рубрикация может быть различной и не сводиться к выведенной нами *триаде*⁵), корреспондирует схематике «контурного» нормирования вопроса о форме сделок в статье 158 ГК РФ. Особо отметим, что указанная рубрикация:

а) учитывает субстанциональную разницу между языковыми и неязыковыми формами изъяснения воли; данное противопоставление кажется вполне резонным и концептуально обоснованным, в том числе из-за акцентуации на особой роли языка как важнейшего инструмента человеческого общения (использование языковых средств воплощается в речевой деятельности, результаты которой фиксируются памятью или письмом);

б) так или иначе отражает неодинаковую степень внешней проявленности воли, что наиболее заметно при выделении прямого и косвенного волеизъявления.

³ Порою собственно о *словесной* форме упоминается лишь в приложении к *устным* сделкам. Так, Д.И. Мейер отграничивал словесную форму сделки («...совершается на словах») от письменной («...когда воля ... выражается на письме»). Кроме того, автор выделял конклюдентные действия, но не упоминал о молчании (Мейер 1997, 183).

⁴ Протиположение *письменной* форме совершения сделки «на словах» (а не устно) производилось в ГК РСФСР 1922 г. (см. статью 27); однако в ГК РСФСР 1964 г. (см. статью 42) и действующем ГК РФ вместо словосочетания «на словах» стало говориться об *устном* совершении сделки. Здесь мы исходим из широкого понимания понятия формы (как всей совокупности требований, относящихся к способу внешнего выражения и фиксации волеизъявления и условий сделки), с учетом чего, помимо прочего, поддержим Н.В. Василенко в части вывода, в соответствии с которым «...язык сделки ... относится к характеристике формы» (Василенко 2021, 177).

⁵ Так, И.В. Бакаева называет не три, а *четыре* возможные формы волеизъявления – устную форму, письменную форму, конклюдентные действия и молчание (Бакаева 2014).

В судебной практике, как известно, «победил» либеральный подход, при котором в качестве должного одобрения (для целей применения требований статьи 183 ГК РФ) считается не только **письменное или устное одобрение** (причем вне привязки к форме подтверждаемой сделки!), а и иные разноплановые поведенческие акты (**конклюдентные действия**) (см. пункт 123 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее – ППВС № 25)). Наряду с прочим такое толкование коррелирует с изъятием из статьи 183 ГК РФ указания по поводу обязательности «прямого» одобрения (его можно было понимать по-разному, в том числе в смысле недопустимости верификации воли при совершении конклюдентных действий). Обновленная редакция встретила в целом позитивную оценку в науке: так, по словам Ю.С. Харитоновой, теперь «...законодатель допускает более широкое толкование последующего одобрения, которое может быть как прямым... так и косвенным (в том числе ... конклюдентными действиями)», при этом «...данный подход ... отвечает принципу диспозитивности граждан-

ско-правового регулирования», а равно «...соответствует зарубежному праву и общей тенденции к либерализации формы сделок» (Харитонова 2013, 34).

При любом раскладе «исключение из статьи 183 ГК РФ указания на необходимость прямого одобрения окончательно снимает ... вопрос» (Папченкова 2018) исследуемой «энigmatичности». Впрочем, и ранее – задолго до законодательной корректировки – суды придерживались широкого толкования⁶. Симптоматично, что трактовки *прямого* одобрения в пункте 5 Письма № 57 и одобрения в пункте 123 ППВС № 25, причем в ракурсе и структурирования, и описания набора возможных действий (не образующих исчерпывающий перечень!), почти идентичны. Для удобства сравнения соответствующие положения представлены в таблице

⁶ Показательный казус приведен в пункте 3 информационного письма Президиума ВАС РФ от 24 января 2000 г. № 51 «Обзор практики разрешения споров по договору строительного подряда»: одобрение было признано состоявшимся, поскольку «в период строительства предприятие производило промежуточные платежи», и «в деле имеются документы за подписью руководителя... в которых *обсуждаются (!) особенности производства отдельных видов работ и качество используемых материалов*».

Таблица
Table

Письмо № 57	ППВС № 25
письменное или устное одобрение, независимо от того, адресовано ли оно непосредственно <i>контрагенту</i> по сделке	письменное или устное одобрение, независимо от того, кому оно адресовано
признание представляемым претензии контрагента	признание представляемым претензии контрагента
конкретные действия представляемого, если они свидетельствуют об одобрении сделки (например, полная или частичная оплата товаров, работ, услуг, их приемка для использования, полная или частичная уплата процентов по основному долгу, равно как и уплата неустойки и других сумм в связи с нарушением обязательства; реализация других прав и обязанностей по сделке)	иные действия представляемого, свидетельствующие об одобрении сделки (например, полное или частичное принятие исполнения по оспариваемой сделке, полная или частичная уплата процентов по основному долгу, равно как и уплата неустойки и других сумм в связи с нарушением обязательства; реализация других прав и обязанностей по сделке, <i>подписание уполномоченным на это лицом акта сверки задолженности</i>)
заключение другой сделки, которая обеспечивает первую или заключена во исполнение либо во изменение первой	заключение, <i>а равно одобрение</i> другой сделки, которая обеспечивает первую или заключена во исполнение либо во изменение первой
просьба об отсрочке или рассрочке исполнения	просьба об отсрочке или рассрочке исполнения
акцепт инкассового поручения	акцепт инкассового поручения

ниже (а некоторые значимые смысловые расхождения выделены курсивом).

В статье 183 ГК РФ (в отличие от статьи 157.1 ГК РФ) ничего не говорится о **молчании** как способе проявления и установления волеизъявления (пускай и в режиме исключения). Имея в виду сделочную природу изучаемого акта одобрения (Попондопуло 2013, 172; Ягельницкий 2010, 115–116) и принимая в расчет правила пункта 3 статьи 158 ГК РФ (касательно признания молчания выражением воли совершить сделку в предусмотренных законом или соглашением сторон случаях), *в корне отвергать* молчаливое одобрение *нельзя* (потенциально законодатель может ввести соответствующие нормы). Интересно, что в Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации, одобренной решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 7 октября 2009 г. (см. пункт 6.3 раздела II), говорилось о целесообразности установления в ГК РФ *презумпции* отказа в одобрении при неполучении ответа в разумный срок, что опосредованно предполагало возможность санкционирования и молчаливого «протокола» одобрения. Тем не менее солидаризируемся с мнением многих авторов о *неорганичности* такого *подхода* (как представляется, даже если речь идет о подразумеваемом согласии, которое может быть опровергнуто через активное поведение) применительно к институту представительства без полномочий (в частности, по причине того, что «сделка без полномочий не может отрицательно влиять на правовую сферу псевдопредставляемого» (Ягельницкий 2010, 117)).

4. Проблема адресата одобрительного волеизъявления представляемого

В науке не вызывает серьезных разночтений оценка изучаемого акта одобрения как **сделки, требующей восприятия** (Харитоновна 2013, 35; Ширвиндт 2015, 77). Между тем законодатель устранился от обозначения своей позиции по поводу адресата волеизъявления «носителем имени» (хотя из предписаний пункта 3 статьи 183 ГК РФ косвенно все-таки следует ориентированность на случаи взаимодействия псевдопредставляемого, прежде всего с контрагентом); напомним, что применительно к одностороннему отказу контрагента от сделки до одобрения, напротив, даны четкие нормативные «циркуляры» – отказ может быть заявлен и со-

вершившему сделку лицу, и представляемому (см. абз. 2 пункта 1 статьи 183 ГК РФ). С учетом означенных «вводных» не удивляет, опять же, «мягкая» линия Верховного Суда РФ, в соответствии с которой одобрение в словесной форме считается надлежащим «независимо от того, кому оно адресовано» (см. пункт 123 ППВС № 25). Приведенная формула также не содержит строгих положений касательно круга возможных адресатов, но абсолютно очевидно, что необходимым и достаточным для порождения соответствующих юридических эффектов оказывается оповещение **любого из заинтересованных**, к каковым бесспорно могут быть причислены мнимый представитель и контрагент по сделке; таким образом, «...Пленум отказался от решений, при которых требуется, чтобы одобрение было воспринято именно лжепредставителем, именно контрагентом или обязательно и тем, и другим» (Ширвиндт 2015, 77).

Некоторая неопределенность, правда, остается в части (не)правомерности признания надлежащими реципиентами *исключительно* названных лиц (эксплицитности нет, кстати, и в указаниях, содержащихся в Письме № 57, где говорится об одобрении «независимо от того, адресовано ли оно непосредственно контрагенту по сделке» (см. пункт 5), т.е. ясно обозначается только *один из возможных* субъектов получения согласия). Касаемо прямого волеизъявления речь, наверное, должна идти о необходимости восприятия акта одобрения лишь контрагентом и (или) лжепредставителем.

Вместе с тем одобрение, как мы говорили, может выражаться и в иных, нежели словесные заявления, действиях видимого представляемого, обращенных к *другим субъектам*. К примеру, в качестве надлежащего одобрения судами рассматривается заключение псевдопредставляемым обеспечительной сделки (см. пункт 123 ППВС № 25), каковой среди прочего может быть договор поручительства. Сторонами названного соглашения являются кредитор по основному обязательству (допустим, псевдопредставляемый) и поручитель, в роли которого (в приложении к обсуждаемому казусу) будет выступать иное, нежели контрагент по подтверждаемой сделке, лицо; при этом должник по основному обязательству (в нашем случае – контрагент одобряемой сделки) не является стороной обеспечительного обязательства, а потому договор поручительства, по общему правилу, может быть заключен без согласия или даже уведомления должника (однако при отсутствии такого согласия кредитор и поручи-

тель солидарно обязаны возместить должнику необходимые расходы, вызванные переходом права к поручителю, – см. пункт 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 декабря 2020 г. № 45 «О некоторых вопросах разрешения споров о поручительстве»).

Надо сказать, **рациональность** столь «свободного» определения фигуры адресата многим ученым *кажется сомнительной*: в частности, Ю.С. Харитонов в целом небеспричинно полагает, что «адресатом одобрения ... должен быть *контрагент* по сделке, заключенной неуполномоченным лицом» (Харитонов 2013, 35); с точки зрения А.А. Ягельницкого, «... более верно считать, что сделка по одобрению имеет эффект с момента восприятия ... *третьим лицом*» (Ягельницкий 2010, 116) (авторская аргументация в пользу данного вывода кажется убедительной А.М. Ширвиндту (Ширвиндт 2015, 77)).

Подоплека для подобного ограничительно-го постулирования в самом деле присутствует (справедлива и органична *приоритетная* охрана интересов добросовестного третьего лица, нежели мнимого представителя). В этой связи более сбалансированным является закрепленный в § 177 ГГУ подход, при котором заявление об одо-

брении *в ответ на обращение стороны* сделки должно поступить *сугубо данной стороне* (мало того, при подобном «реактивном» подтверждении сделки ранее изъятые в адрес представителя одобрение или отказ в нем становятся недействительными). Соответственно, здравым видится концепт, в русле которого субъектный «плюрализм» при определении фигуры реципиента отвергается, но не априорно, а ситуативно – *при одобрении сделки по запросу контрагента*.

Выводы

В свете изложенного актуальность совершенствования конструкта последующего одобрения псевдопредставляемым заключенной неуполномоченным лицом сделки сохраняется: плодотворным, в частности, видится уточнение предписаний относительно квалификации одобрения как последующего согласия, определения круга надлежащих адресатов и способов изъясления воли мнимого представляемого. Наконец, в глубоком научном осмыслении нуждается вопрос внятного сопряжения анализируемого института с нормами о перемене лиц в обязательстве, а также общими правилами по поводу согласия на совершение сделки.

Библиография

- Бакаева, Ирина В. 2014. «Согласие на совершение сделки: проблемы и решения». *Законы России: опыт, анализ, практика* 12: 13–17. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22583412>. EDN: <https://www.elibrary.ru/tafadr>.
- Василенко, Наталья В. 2021. «Язык договора как дополнительное условие о форме сделки». *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)* 11: 175–184. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2021.87.11.175-184>.
- Гендзехадзе, Екатерина Н. 2011. [Комментарий к статье 183 ГК РФ]. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации: в 2 т. Т. 1. Ч. I, II ГК РФ. Под ред. Т.Е. Абовой, А.Ю. Кабалкина. 6-е изд., перераб. и доп. Москва: Юрайт: 926 с.
- Карапетов, Артем Г. 2018. «Проблемные вопросы применения ст. 174 ГК РФ». *Вестник гражданского права* 18–1: 86–149. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32657637>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ytetaq>.
- Крашенинников, Евгений А., Юлия В. Байгушева. 2011. «Институт представительства в Проекте закона о внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации». *Проблемы гражданского права и процесса* 1: 51–59. https://www.elibrary.ru/download/elibrary_35007011_30516641.pdf.
- Мейер, Дмитрий (Дитрих) И. 1997. *Русское гражданское право* (в 2 ч. Ч. 1). По исправ. и доп. 8-му изд., 1902. Москва: Статут: 290 с.
- Папченкова, Екатерина А. 2018. [Комментарий к ст. 183 ГК РФ]. Сделки, представительство, исковая давность. Постатейный комментарий к статьям 153–208 Гражданского кодекса Российской Федерации. Отв. ред. А.Г. Карапетов. Москва: М-Логос: 1264 с. <https://cnm.md/wp-content/uploads/2019/07/Sdelki.-predstavitelstvo-iskovaya-davnost-Glossa-pdf.pdf>.
- Пищина, Светлана Г. 2015. «Соотношение понятий “лицо, превысившее полномочия” и “неуполномоченное лицо” и “лицо, превысившее полномочия” и определение их правовых последствий в судебной практике о признании недействительными сделок юридических лиц». *Арбитражный и гражданский процесс* 7: 18–23. <https://wiselawyer.ru/poleznoe/83324-sootnoshenie-ponyatij-lico-prevysivshee-polnomochiya-neupolnomochennoe-lico>.

Попондопуло, Владимир Ф. 2013. [Комментарий к статье 183 ГК РФ]. Гражданский кодекс Российской Федерации. Сделки. Решения собраний. Представительство и доверенность. Сроки. Исковая давность. Постатейный комментарий к главам 9–12. Под ред. П.В. Крашенинникова. Москва: Статут: 270 с.

Саглаева, Наталья А. 2020. “Об актуальной для экономического оборота цивилистической проблеме сущности, видов “представительства без полномочия” и расположения среди этих видов случаев “заключения сделки неуполномоченным лицом”. *Альманах КРБИМ* 19: 49–64. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43988888>. EDN: <https://www.elibrary.ru/firdcv>.

Соломин, Сергей К., Наталья Г. Соломина. 2022. *Юридические факты и иные жизненные обстоятельства: цивилистический очерк*: монография. Москва: Юстицинформ: 168 с.

Тузов, Даниил О. 2020. “Понятие и источники представительства в итальянском гражданском праве”. *Закон* 10: 166–190. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44216366>. EDN: <https://www.elibrary.ru/kcqbly>.

Харитоновна, Юлия С. 2013. “Заключение сделки неуполномоченным лицом: изменения в ГК РФ и судебная практика”. *Право и экономика* 11: 32–37. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21072054>. EDN: <https://www.elibrary.ru/rtdcud>.

Ширвиндт, Андрей М. 2015. “Актуальные вопросы представительства”. *Вестник экономического правосудия Российской Федерации* 12: 61–144. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24902801>. EDN: <https://www.elibrary.ru/uuyqqj>.

Ягельницкий, Александр А. 2010. “Последствия совершения сделки от имени другого лица без полномочий. Комментарий к статье 183 Гражданского кодекса РФ”. *Вестник гражданского права* 4: 97–120. <https://studfile.net/preview/16780969/>; <https://istina.msu.ru/publications/article/24856095/>.

References

Bakaeva, Irina V. 2014. “Consent to the transaction: problems and solutions”. *Laws of Russia: experience, analysis and practice* 12: 13–17. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22583412>. EDN: <https://www.elibrary.ru/tafadr>. (In Russian)

Gendzekhadze, Ekaterina N. 2011. [Commentary on Article 183 of the Civil Code of the Russian Federation]. In: *Abova T.E., Kabalkin A.Yu. (Eds.) Commentary to the Civil Code of the Russian Federation. In 2 vols. Vol 1. Parts I, II of the Civil Code of the Russian Federation*. 6th edition, revised and enlarged. Moscow, Iurait: 926 p. (In Russian)

Karapetov, Artem G. 2018. “Problems of application of Article 174 of the Civil Code of the Russian Federation”. *Civil Law Review* 1: 86–149. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32657637>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ytetaq>. (In Russian)

Kharitonova, Yulia S. 2013. “Conclusion of the transaction by an unauthorized person: changes in the Civil Code and the judicial practice”. *Law and Economics* 11: 32–37. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21072054>. EDN: <https://www.elibrary.ru/rtdcud>. (In Russian)

Krasheninnikov, Evgeniy A., Yulia V. Baigusheva 2011. “The Institute of Representation in the Draft Law on Amendments to the Civil Code of the Russian Federation”. *Problemy grazhdanskogo prava i protsessy* 1: 51–59. https://www.elibrary.ru/download/elibrary_35007011_30516641.pdf. (In Russian)

Meyer, Dmitry (Dietrich) I. 1997. *Russian civil law (in 2 parts. Part 1)*. From revised and enlarged 8th edition, 1902. Moscow: Statut. 290 p. (In Russian)

Papchenkova, Ekaterina A. 2018. [Commentary on Article 183 of the Civil Code of the Russian Federation]. In: *Karapetov A.G. (Ed.) Transactions, representation, limitation period. Article-by-article commentary on articles 153-208 of the Civil Code of the Russian Federation*. Moscow, M-Logos: 1264 p. <https://cnm.md/wp-content/uploads/2019/07/Sdelki.-predstavitelstvo-iskovaya-davnost-Glossa-pdf.pdf>. (In Russian)

Pishina, Svetlana G. 2015. “Correlation of concepts «the person who exceeded authority», and «the unauthorized person», and determination of legal consequences thereof in judicial practice on declaration of transactions of juridical persons as invalid”. *Arbitrazh and Civil Procedure* 7: 18–23. <https://wiselawyer.ru/poleznoe/83324-sootnoshenie-ponyatij-lico-prevysivshee-polnomochiya-neupolnomochennoe-lico>. (In Russian)

Popondopulo, Vladimir F. 2013. [Commentary on Article 183 of the Civil Code of the Russian Federation]. In: *Krasheninnikov P.V. (Ed.) Civil Code of the Russian Federation. Deals. Meeting decisions. Representation and power of attorney. Timing. Limitation of actions. Article-by-article commentary on chapters 9–12*. Moscow: Statut: 270 p. (In Russian)

Saglaeva, Natalia A. 2020. “About the actual for economic turnover civilistic problem of essence, types of “representation without authority” and location among these types of cases of “conclusion of the transaction by the unauthorized person”. *Crimea Almanac* 19: 49–64. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43988888>. EDN: <https://www.elibrary.ru/firdcv>. (In Russian)

Shirvindt, Andrey M. 2015. “Current issues of agency (representation)”. *Herald of Economic Justice* 12: 61–144. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24902801>. EDN: <https://www.elibrary.ru/uyyqqj>. (In Russian)

Solomin, Sergey K., Natalya G. Solomina. 2022. *Legal facts and other life circumstances: a civilistic essay: monograph*. Moscow, Iustitsinform: 168 p. (In Russian)

Tuzov, Daniil O. 2020. “Concept and sources of representation in Italian civil law”. *Zakon* 10: 166–190. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44216366>. EDN: <https://www.elibrary.ru/kcqbly>. (In Russian)

Vasilenko, Natalia V. 2021. “The language of the contract as an additional condition on the form of the transaction”. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)* 11: 175–184. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2021.87.11.175-184>. (In Russian)

Yagel'nitskiy, Alexander A. 2010. “Consequences of making a transaction on behalf of another person without authority. Commentary on Article 183 of the Civil Code of the Russian Federation”. *Civil Law Review* 4: 97–120. <https://studfile.net/preview/16780969/>; <https://istina.msu.ru/publications/article/24856095>. (In Russian)